НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ Н. С. ГУМИЛЕВА ИЗ Т. ГОТЬЕ И П. ВЕРЛЕНА

(ПУБЛИКАЦИЯ © В. В. ФИЛИЧЕВОЙ)

В Российском государственном архиве литературы и искусства в фонде поэта Л. В. Горнунга хранятся неопубликованные переводы Н. Гумилева трех стихотворений Т. Готье — «Тайный музей», «Ночные бродяги», «Султан Махмуд»,[1] и одного стихотворения П. Верлена — «Эпилог (III)».[2] Документы представляют собой машинописные копии с автографов или авторизованных копий текстов Гумилева, сделанные П. Н. Лукницким. Летом-осенью 1926 года собиратель Акумианы предоставил их Горнунгу, который в свою очередь снял с них копии для своего собрания гумилевских материалов.[3]

Гумилев высоко ценил поэтический дар Готье — поэта, близкого ему по духу.[4] Помимо известного и получившего признание перевода книги «Эмали и камеи» (1914), он сделал несколько переводов из других сборников.

В 1918 году издательство «Всемирная литература» (1918—1924), в котором Гумилев заведовал французской поэзией, включило в план изданий его перевод «Эмалей и камей» (книга не вышла), авторский гонорар был выплачен в октябре 1918 года.[5] Одновременно 17 октября был заключен другой договор — с Н. Гумилевым, Г. Ивановым, Вс. Рождественским и Н. Оцупом[6] на издание сборника Готье «Разные стихотворения». Гумилев при этом значился редактором переводов и автором вступительной статьи.

Из гонорарных ведомостей издательства явствует, что ему были выплачены деньги 10 и 17 января 1919 года за переводы стихотворений «Гиппопотам», «На берегу моря», «Ночные бродяги», «Султан Махмуд» и «Тайный музей». Четыре перечисленных стихотворения взяты из разных сборников и одно из неопубликованного при жизни Готье (см. об этом в примечаниях к публикации). Два из них печатались ранее: стихотворение «Гиппопотам» впервые появилось в журнале «Аполлон» (1911; в том же номере помещена статья Гумилева о Готье), а затем вместе с «На берегу моря» вошло в книгу «Чужое небо».[7] Поэтому датировка публикуемых нами текстов может быть только условной, они, подобно первым двум, могли быть созданы и раньше представления во «Всемирную литературу», т. е. с 1911 до 1918 года.

Несмотря на то, что у нас есть данные только о пяти представленных переводах, два из которых к тому же были опубликованы ранее, можно предполагать, что

---

[1] РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. № 47. Л. 4—10. «Ночные бродяги» и «Султан Махмуд» ошибочно приписаны П. Верлену.

[2] Там же. Л. 2—3.

[3] Н. С. Гумилев в переписке П. Н. Лукницкого и Л. В. Горнунга / Публ. И. Г. Кравцовой // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 544—548.

[4] См. об этом: *Косиков Г. К.* Готье и Гумилев // Готье Т. Эмали и камеи / Сост., предисловие и комм. Г. К. Косикова. М., 1989. С. 304—321.

[5] ЦГАЛИ СПб. Ф. 46. Оп. 1. № 1. Л. 1.

[6] См. перечень договоров: Там же. № 58. Л. 381 об. В издательстве «Всемирная литература» Гумилев часто работал над одним изданием вместе с Вс. Рождественским и Г. Ивановым, а также редактировал их переводы. См., например: *Вольтер Ф. М. А.* Орлеанская девственница / Пер. А. Пушкина, Г. Адамовича, Н. Гумилева, Г. Иванова. М.; Л.: Всемирная литература, 1924; Баллады о Робин Гуде / Пер. Вс. Рождественского, А. Пиотровского, Н. Гумилева, Г. Адамовича, Г. Иванова; под ред. Н. Гумилева; автор предисловия М. Горький. Пг., 1919, и др. Переводы из Готье, сделанные, видимо, для названого сборника, были использованы Вс. Рождественским в книге: *Готье Т.* Избр. стихи. Пг.: Мысль, 1923. Г. Иванов поместил свои три перевода во второе издание книги «Вереск» (Пг.; Берлин, 1922), по его указаниям, они создавались в 1918 году.

[7] *Готье Т.* Гиппопотам // Аполлон. 1911. № 9. С. 63—64; *Готье Т.* На берегу моря // Гумилев Н. С. Чужое небо. Третья книга стихов. СПб.: Издание «Аполлона», 1912. С. 69.

новый сборник переводов для издательства к 1918 году был уже составлен: по указанию Лукницкого, авторские примечания к текстам уже имели порядковые номера.[8] В картотеке Н. Н. Бахтина (РО ИРЛИ) также имеются сведения, подтверждающие, что рукопись книги находилась в издательстве «Всемирная литература» и являлась первой частью (озаглавленной «Разные стихотворения») третьего тома сочинений Готье. Помимо переводов Адамовича, Гумилева, Иванова и Оцупа, в списке перечислены четыре стихотворения в переводе Пиотровского и по одному Н. Лернера, Ал. Черняевой, В. Шилейко.

Однако если к Готье Гумилев обращается по своим пристрастиям, то Верлена он ранее не переводил, и соположение имен поэтов в подборке из архива Горнунга нуждается в пояснении.

Готье во «Всемирной литературе» редактировал Гумилев, Верлена же поручили Ф. Сологубу. Он предлагал собрать том, основываясь на своей книге переводов и книге В. Брюсова, которую редактировал в 1911 году.[9] Это издание переводов из Верлена не осуществилось. Из книги выдачи гонораров следует, что Сологуб передал в издательство сначала отредактированную им книгу переводов Брюсова. 6 февраля 1919 года в письме к А. Н. Тихонову поэт представил план книги, совмещающий его и брюсовские переводы,[10] отметив, что хотел бы восполнить некоторые пробелы: «…надо поискать еще переводы нескольких стихотворений, которых нет ни у Брюсова, ни у меня, но которые следует включить в книгу».[11] Стихотворения «Эпилог (III)» нет в сборнике 1911 года, и можно предположить, что работа Гумилева была связана как раз с замыслом Сологуба. Гонорар был получен им 8 ноября 1920 года (согласно записи в расходной книге).[12]

Тексты переводов Гумилева печатаются по копиям, хранящимся в РГАЛИ (ф. 2813, оп. 1, № 47), примечания Лукницкого (сведения об источнике) воспроизводятся в комментариях в квадратных скобках. Варианты даны в постраничных комментариях.

[8] См. ниже примечание Лукницкого к стихотворению «Тайный музей». Отметим, что именно с этим сборником связано появление второй статьи Гумилева о Готье, местонахождение которой долгое время было неизвестно (см.: *Гумилев Н. С.* «Как большинство поэтов девятнадцатого века…» // Гумилев Н. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 2006. Т. 7. С. 224—228).

[9] *Верлен П.* Собрание стихов / Пер. В. Брюсов; ред. Ф. Сологуб. М., 1911.

[10] НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 45. № 43. Л. 2—4 об.

[11] Там же. Л. 1.

[12] ЦГАЛИ СПб. Ф. 46. Оп. 1. № 16. Л. 139.

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ

НОЧНЫЕ БРОДЯГИ

Уж полночь раздается с башни,[1]
Толпе разбойников и сов,
Всем, заводящим с мраком шашни,
Покинуть весело свой кров.

И к приключеньям небывалым[2]
Проходят рыцари ножа,
А граждане[3] под одеялом
Шаги их слушают дрожа.

[1] *Было:* Вот полночь пробило на башне,

[2] *Было:* Вот к приключеньям небывалым

[3] *Было:* И граждане

Вот здесь под фонарем сраженье,
Там грабят воровской приют,
То шабаша отгулы — пенье,
То крик девиц, которых бьют.

Все смолкло. Слышится патруля
По мостовой размерный ход.
Смятенный рой летит в свой улей...
Благопристойный день встает.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. № 47. Л. 4. «Les rodeurs de nuit» (1864). Впервые опубликовано в книге «Poésies nouvelles. Poéesies inéedites et poéesies posthumes» (1831—1872).

[Не печаталось. Печатается с авторизованной копии, приготовленной для изд. «Всемирная Литература» с исправленного Н. Гумилевым перевода.] [0]

СУЛТАН МАХМУД

Цветет в моем гареме
Как бы букет,
Цветами полон всеми,
Что знает свет;
Все, что зовет любимым
Опиоман,
Во сне неутолимом[4]
Найдя обман.

Но этих тел усталость
Томит мне кровь.
Шестьсот мне жен досталось,
Но не любовь![5]

Овечки, антилопы,
Всех много тут,
Из Африки, Европы
Ко мне плывут,
Белее льна и смуглы,[6]
Как бы орех,
И стройны и округлы,
Довольно всех.

Но этих тел усталость
Томит мне кровь.
Шестьсот мне жен досталось,
Но не любовь!

Ни девственность гречанки,
Цветка в полях;
Ни страстность негритянки,
Всегда в мечтах;
Ни быстрой парижанки

[4] *Было:* И в сне неутолимом
[5] *Было (во всех трех рефренах):* А не любовь —
[6] *Было:* Белее пен и смуглы

Победный вид;
Ни томность англичанки
Меня не льстит.

Но этих тел усталость
Томит мне кровь...
Шестьсот мне жен досталось,
Но не любовь!

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. № 47. Л. 5. «Sultan Mahmoud» (1845) из книги «Poesies diverses» (1838—1845)

[Печатается с авторизованной копии, приготовленной для «Всем. Литературы» с исправленного Н. Гумилевым перевода.]

ТАЙНЫЙ МУЗЕЙ

У смертной девы и небесной
Скульптора — эллина рука
Ощипывала пух чудесный
Венеринова голубка.

От ножниц взвеять и скатиться
Одежда нежная должна,
В своем гнезде холодном птица
Дрожит, совсем обнажена.

Прощен язычник величавый,
Хоть[7] он, освободив овал
От шерсти тонкой и курчавой,
Загадочности страсть лишал.

Но даром живописец новый,[8]
Как мрамор, полотно стрижет,
Кося на теле без покрова
Траву, в которой спит Эрот.

Ведь христианки, розовея,
Природою им данный клад,
Как неразумная Психея,[9]
Светильником не озарят.

Сорвав бессовестно простыни
С блондинки, спящей ярким днем,
Вы, как Филипп Бургундский, ныне
Упьетесь золотым руном.

Брюнетка может неизменно
На тонкий палец намотать
Для черта, как у Лафонтена,[10]
Всегда закрученную прядь.

[7] *Было:* Ведь
[8] *Было:* Но для чего ж художник новый
[9] *Было:* Судьбой подаренный им клад
Как та афинская Психея
[10] *Было:* Для дьявола у Лафонтена

Твои мне куртизанки милы,
Любовник правды, Тициан,
Горячих красок, полных силы,
Венецианский великан.

Под пурпуром завесы сонной
Отважно обрели приют
В их бледности позолоченной
Тела живые, что не лгут.

На коже матовой и гладкой
Пух в нежных, шелковых тенях
Там, где прорезан дивной складкой
Широкий, гармоничный пах.

Лишь ты взрастил под их руками —[11]
Подробность эту любим мы —
Чуть видный мох, которым сами
Горды Венерины холмы.

Над флорентийскою Трибуной[12]
Встает под ропот мать любви,
Купающая в муфте юной
Небрежно пальчики свои.

Раздвинув бедра, ждет Даная,
Чтоб звонкими слезами царь[13]
Олимпа пролился, сверкая
На золотой ее алтарь.

О мастер, и в моей гондоле,
Как те, качалась плоть, дремля,
И лоно было в ореоле
Светлей, чем орден короля.[14]

Свершу я, полн живого чувства,
А ты благослови меня —
Перемещение искусства,
Палитру лютней заменя.[15]

Поэт, но фразу золотую
Я в краски обмакну твои
И, как художник, нарисую
Сокровища в тени любви.

Пускай мой стих в алькове красном
Нагого тела белизну

---

[11] *Было:* Лишь ты взрастил их под руками
[12] *Было:* Над флорентийскою трибуной
[13] *Было:* Чтоб белыми слезами царь
[14] *Было:* О Тициан, в моей гондоле
Таилось тело, точно те,
И лоно было в ореоле
Короны царской золотой
[15] *Было:* Палитрой лютню заменя

Пятном рыжеюще-неясным
Украсит, вспомнив старину.

Оно похоже на Амура,
Что спит на матери своей,
Склонясь головкой белокурой
Средь полускрытых им грудей,

И Музы не боясь грозящей,[16]
Я обнаружу за цветком,
Как персик, затаенный в чаще,
Твой, Наслажденье, плод потом.

Плод настоящий Гесперид,
То позлащенное руно,
К каким Ясоны и Алкиды[17]
Пускались в странствия давно.

Искусством сбритое мечтанье,
О украшенье женских тел,
На мягкий шелк твой, как лобзанье,
Мой стих теперь бы лечь хотел.[18]

Стыдливости, взращенной нами,
Забвению поры иной
Отмстить мне надобно стихами
За холм, Венера, дивный твой.

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. № 47. Л. 8—10. «Musée secret» (1852). По указанию М. Яснова, стихотворение входит в одноименный цикл, который был включен «в пятнадцать эксклюзивных экземпляров полного собрания сочинений поэта», а в 1864 году в подпольный сборник «Сатирический Парнас» («Parnasse satyrique du XIX-e siècle») (*Готье Т.* Сокровенный музей / Пер. М. Яснова // Иностранная литература. 2012. № 7. С. 155).

[Список на пишущей машинке, с рукописными (кр⟨асными⟩ чернил⟨ами⟩) поправками и переделками Н. С. Гумилева. Стихотворение переведено для включения в собрание переводов Т. Готье; издание подготовлялось во «Всемирной Литературе». В числе примечаний Н. С. Гумилева к книге переводов Готье, на долю этого стихотворения приходится 2 [по порядку]: 71) и 72). В моем распоряжении их не имеется.**]**

Поль Верлен

ЭПИЛОГ
III

Ах, Вдохновенье, надменное когда-то,
Оно Эгерия, в чьих взорах красота,
Удобный Гениум, внезапная Эрато,
Архангел с древнего червленого холста,

И Муза, чей призыв, конечно, очень строгий,
Раз ухитряется она всегда и всем,

[16] *Было:* И музы не боясь грозящей,
[17] *Было:* Тот плод заветный Гесперид
И то богатое руно,
К каким Язоны и Алкиды
[18] *Было:* Мой поцелуй бы лечь хотел

Как одуванчики окрай большой дороги,
Выращивать сады неведомых поэм,

Голубки, Дух Святой, таинственные чары,
Восторг услужливый, благоприятный бред,
И с лютней Габриэль и Аполлон с кифарой,
Ах! Вдохновения хотеть в шестнадцать лет!

Но это нужно нам, Властительным Поэтам,
Неверящим в богов, хоть набожным душой,[19]
Нам, неувенчанным неизъяснимым светом,
Без Беатриче шаг ведущим прямо свой,

Нам, вырезающим слова свои, как чаши,
И очень холодно творящим пылкий стих,
Нам, кого под вечер друзья не видят наши
На берегах озер поющими о них.

Нет, нам нужна одна полуночная лампа,
В бореньи с трудностью прошедшие года,
Склоненный лоб, как бы у Фауста с эстампа,
Продленье[20] сна и Воля, Воля, да!

Святая, вечная, единственная Воля,
Что в замысел впилась, как царственный кондор
В загривок буйвола, вспотевшего от боли,
Взмывая с жертвою в сияющий простор!

И неустанное нам нужно изученье,
Усилье дивное и небывалый бой,
Ночь, злая ночь труда, откуда бы Творенье,
Как солнце, медленно вставало пред толпой!

Пусть вдохновенные, которым светит вера,
Как ивы треплются, лишь ветер возлюбя:
Из мрамора иль нет Милосская Венера?
Искусство разве в том, чтоб расточить себя?

И вырезаем мы резцами Мысли нашей
Парос[21] нетронутый, обломок Красоты,
Следим старательно, как с каждым шагом краше
Статуи в пеплище нетленные черты,

Дабы, луч розовый и серый на рассвете
Направив на нее, что встала как Мельнон,
Заря — потомство, дочь глухих тысячелетий,
Заставила греметь лишь наших звук имен!

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. № 47. Л. 2—3. «Épilogue. III». Из книги «Poémes Saturniens» (1866).

[19] *Над зачеркнутым:* всегда
[20] *Над зачеркнутым:* Сон Побе
[21] *Над зачеркнутым:* Об

[Не печаталось. Печатается с автографа, находящегося у М. М. Тумповской, получившей его уже после смерти Н. Гумилева, в 1921 году.]

М. М. Тумповская входила во второй «Цех поэтов», Гумилев, знакомый с нею с 1915 года, посвящал ей стихи (см.: *Мочалова О. А.* Маргарита // Жизнь Николая Гумилева. Л., 1991. С. 312—314).

© *О. А. Лекманов*

«АВТОРА ТОШНИТ СТИХАМИ ПО ВСЯКОМУ ПОВОДУ» (И. А. ИЛЬИН ЧИТАЕТ Ал. БЛОКА)*

Пометам философа на томах берлинского собрания сочинений поэта 1923 года посвящена обстоятельная статья И. В. Овчинкиной «И. А. Ильин — читатель А. Блока».[1] Добросовестно процитировав многие нелицеприятные высказывания Ильина о Блоке, исследовательница завершает свою работу следующим развернутым выводом: «И. А. Ильин не увидел глубочайшей трагедии А. Блока, катастрофичности того бытия, от которого он в буквальном смысле слова сходил с ума, проигнорировал его дар, глубокую лирическую исповедальность и абсолютную обнаженность. Но И. А. Ильин справедливо оценил духовную пропасть, в которую соскользнул Блок и многие его современники ⟨…⟩ В свое время И. П. Полторацкий, ученик И. А. Ильина и хранитель его архива в Мичиганском университете (Ист-Лансинг) сказал: „В самом деле, как бы ни относиться к тем или иным исходным установкам и аналитическим суждениям и критическим выводам Ильина ⟨…⟩ Ильину-критику невозможно отказать в безупречном знании предмета, острой психологической наблюдательности, формально-эстетической крепости, духовной независимости и религиозно-философской глубине". Обзор маргиналий И. А. Ильина и его отдельных высказываний о А. Блоке еще раз это подтверждает».[2]

Призна́юсь сразу: мое впечатление от маргиналий Ильина на полях блоковских стихотворений решительно отличается от впечатлений его исследовательницы и его ученика. Попробую подойти к формулированию этого впечатления, используя, как вешки на пути, те ильинские пометки на произведениях Блока, которые остались в статье Овчинкиной не процитированными.[3]

Начну с того, что ни «безупречного знания предмета», ни «острой психологической наблюдательности», ни «формально-эстетической крепости», ни «духовной независимости», ни, уж тем более, «религиозно-философской глубины» замечания Ильина на полях блоковских стихов, увы, *не* демонстрируют. Зато в них в полной мере реализовалось мелочное стремление во что бы то ни стало поймать Блока на стилистических ошибках, а еще лучше — на моральной неразборчивости.

Часто это приводит к комическим эффектам: подчеркивания и пометки Ильина порою напоминают подчеркивания в библиотечных книгах, делаемые теми не-

* В этой статье использованы результаты проекта «Европейская словесность XIX—XX веков в кросс-культурной перспективе: текст и контекст», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

[1] *Овчинкина И. В.* И. А. Ильин — читатель А. Блока // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей. М., 2013. С. 235—260.

[2] Там же. С. 259—260.

[3] В ряде случаев я все же буду цитировать пометы Ильина на полях стихотворений А. А. Блока, опубликованные не мною, а Овчинкиной. Каждый раз это будет специально оговорено. Остальные пометы приводятся мною по изданию: *Блок А. А.* Собр. соч.: В 9 т. Берлин, 1923. Т. 3: Стихотворения. Кн. 3. 1907—1916, с указанием номера страницы в скобках. Этот том хранится в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова, как и вся библиотека Ильина. За возможность поработать с книгами из нее приношу глубокую благодарность А. Л. Лившицу.